

ГЛАВА ПЕРВАЯ

История Министра

— Ассамблея в пятницу. Будет голосование. Они проведут Темного Шута, это уже точно. Все проплачено.

— Кем?

— Нет инфы. Против тебя кто-то серьезно играет последние несколько месяцев. Ты заметил?

— Да ну.

— Конкретно против тебя. Шут не продержится долго, его выводят только затем, чтобы он тебя скинул.

— Думаешь, выгорит?

Пальцы бегали по разболтанной клавиатуре, иногда промахиваясь, но всякий раз успевая исправиться прежде, чем нажать «Ввод».

— Это будет так. Голосуют за Шута, он приводит свою команду и выбивает для них право голоса. Потом предлагает новый закон о кабинете министров. Проводит его. Реализует. И ты слетаешь.

— Гладко было на бумаге...

— Я предупредил.

— Увидимся. Бай-бай.

— Бай, Министр.

Он несколько секунд сидел, откинувшись на спинку старого офисного кресла. Потом открыл ящик стола, вытащил белую замшевую салфетку и осторожно, будто разбитый рот, протер окно монитора. Дело плохо. Приближается буря. В такие минуты он понимал, ради чего живет.

Снова взялся за мышь: пора сменить богатую красную мантию на неприметную серую. Секунда — и сидящий, горбоносый, очень прямой человек в мантии цвета пепла вышел на крытую галерею, где еле слышно журчали фонтаны. Неторопливо, слушая шорох воды и свои шаги, прошел в западное крыло дворца. Устроился в тени под резным навесом, выбрал в списке имя нового собеседника.

- Привет, Чебурашка. Есть новости?
- Квинни встретится с тобой.
- Приятно слышать. Что она хочет?
- Место советника для своего нового.
- Все?
- И министерство транспорта для себя.
- Она сдурела?!
- Это ее условие.

Пальцы забарабанили по столу у нижнего края клавиатуры.

- Скажи, что я согласен.
- Пятница, двадцать два ноль-ноль по Москве. Таверна «Золотой гусь».
- Спасибо. Я отблагодарю. До связи.
- До связи, Министр.

Его собеседник растаял в воздухе — не то вышел из игры, не то воспользовался порталом. Чебурашка, вечный посредник, дорого берет за свои услуги, но до сих пор никого не кинул. Репутация — все, что у него есть... кроме разве что веера связей да нескольких жирных банковских счетов.

Он ухмыльнулся. Пятница, двадцать ноль-ноль. Перед самой Ассамблеей. Маленькая Квинни вступит в игру на стороне фаворита, значит, к пятнице нужно забеременеть победой. Тогда она его подержит.

Он мельком посмотрел на часы. Снова переключил

окна. Ежедневное подписание указов; полова, ерунда, текучка, а это...

Он протер глаза. Нет, не померещилось. Среди груды ежедневного мусора запрятана бомба — вот этот указ о налогах с крупных землевладельцев... На что рассчитывал Канцлер — что Министр подмахнет не глядя? Нет, это тоже часть чьей-то интриги, фрагмент спрятанного смертоносного механизма; ни в коем случае нельзя подписывать это до Ассамблеи. Но как объяснить задержку, как поизящнее, черт возьми, объяснить задержку?!

Сквозь решетку стрельчатого окна пробивались солнечные лучи. Снаружи, в королевском парке, пели птицы. Он откинулся на спинку кресла: что-то начало складываться, потихоньку совпадать, понемногу проясняться. Нельзя спешить, нельзя терять мысль: голосование в пятницу... Встреча с Квинни... Налоги с крупных землевладельцев... Если попробовать... Модель выстроится забавная комбинация...

— Арсен! Сними, в конце концов, наушники!

Он мигнул. Схема, уже почти сложившаяся, ускользнула песком сквозь пальцы.

— Арсен, я двадцать раз к тебе обращаюсь! Ты оглох?!

— Нет.

Перед глазами кружились цветные пятна. Он с силой потер лицо; мать стояла в дверях, сцепив на груди пальцы, — жест, означавший раздражение и вместе с тем неуверенность.

— Зову тебя, зову! А ты, как зомби, уставился в монитор и не реагируешь!

— Прости, я не слышал.

— Выкину когда-нибудь этот проклятый компьютер... Иди ужинать!

— Я уже поел.

— Уроки сделал?

— Да.

— Перестань косить на монитор! Иди хоть чаю с нами выпей, отец тебя неделю не видел.

— Ма... У меня очень мало времени.

— С родителями за столом пять минут посидеть — времени нет?

Он поколебался.

— Пять минут.

— Спасибо, — сухо сказала мать.

* * *

Против него действительно играли, играли серьезно. Его агентов выщепивали, выслеживали, раскалывали и перекупали. Любая комбинация, даже самая тайная, в последний момент оказывалась под угрозой. Теперь еще Шут — личность в самом деле темная, как его ник, появившаяся ниоткуда с колоссальными деньжищами. Сам Шут ничего собой не представляет, но кто стоит за ним? Чей заказ? Слишком многие сейчас хотят убрать Министра. Быстрая карьера привлекает внимание... Его предупреждали.

На кухне уютно светила лампа и вертелся медовый водоворот в коричневой чашке чая. Отец подбирал слова, это было заметно по крохотным складкам у переносицы. Он чувствовал себя виноватым: времени на сына у него как не было, так и нет, и нарастает отчуждение. А ведь еще помнятся золотые деньки, когда Арсен был маленький, каждую субботу они ходили в зоопарк, а каждое воскресенье — в гости или звали гостей к себе...

— Сынок, ты чего такой вялый? — отец решил начать разговор, но не нашел правильных слов.

— Устал.

— Хочешь, в воскресенье в киношку сходим?

— Нет, спасибо. Я дома отдохну.

— Даже не спрашиваешь, какой фильм?

Он пожал плечами:

— Я не люблю кино.

— А что ты любишь, кроме своего компьютера? — тихо и горько вмешалась мать. — Книжки? Когда ты в последний раз открывал...

— Ма, ну что ты опять. Я очень перегружен.

— Чем это?

— Всем.

Мать уныло покачала головой. Сама она в возрасте Арсена запоем читала, и родители силой отрывали ее от книг... Да, точно.

— Я в твоём в возрасте читала запоем, меня родители силой...

Ее предсказуемость огорчила его. Поэтому он позволил себе быть немножко бестактным:

— Времена поменялись, мам. Посмотри: ты же теперь сама ничего не читаешь, кроме блогов.

Она вспыхнула.

Арсен знал, что, стоит всем уйти из кухни, — она тут же вытащит из сумки ноутбук, подключится к Интернету и войдет в свой Живой Журнал. А отец, как только увидит, что Арсен и мать заняты, — пойдет к себе и включит телевизор. Каждый из них чувствует, что делает что-то не то; каждый вырос в нормальной семье, где были и семейные вечера, и книги, и гости, и походы в лес на пикник. Но маме куда интереснее, что случилось с ее френдами за день, а отец, как на игле, сидит на потоке новостей из телика, от глобальных до местечковых. Кризис ли мировой, пьяный ли сбил на машине ребенка — это информация, это надо знать, это будоражит.

В нашей семье, подумал грустно Арсен, только я занимаюсь настоящим делом. Только я делаю то, что люблю, и за это получаю деньги.

Он допил свой чай и поднялся.

— Спасибо.

— На здоровье.

— Я пошел. Спокойной ночи.

* * *

— Привет, Канцлер.

— Не спишь, Министр? Или у вас уже утро?

— Хочешь подловить?

— На фига ты мне сдался?

— Мало ли... На тебя выходила Квинни?

Разговор на секунду остановился. Замерли строчки на экране. Собеседник раздумывал чуть дольше, чем это обычно бывает в непринужденном разговоре.

— О чем ты, Министр?

— Землевладельцы съедят тебя с потрохами, Канцлер. О такой мелочи, как я, и речи не идет.

— Чего ты хочешь?

— Есть схема...

В доме давно все спали. Часы показывали три. Потирая красные глаза, он сидел за монитором, пока прямо под носом не оказались вдруг клавиши «джей» и «кей».

Тогда он вышел из Сети и лег. Ему снились темные запутанные коридоры и чужие глаза в прорези красного капюшона.

Потом он отключился совершенно, чтобы в семь утра подскочить от визга будильника.

* * *

Они вышли из дома одновременно — отец, мать и Арсен. Отец сел в черный «Фольксваген», мать в серую «Тойоту». Арсен спустился в метро; очень удобно: школа всего в одной остановке. Никаких пробок. Ни-

каких пересадок. Десять минут отчаянной толкотни — и ты на месте.

Как всегда с утра, он почти ничего не соображал. Остановился у автомата с горячими напитками, взял себе двойной кофе. Пятница — послезавтра, времени нет, но шестеренки уже сложены как надо. Еще чуть-чуть, смазать зубчики, подтолкнуть мизинцем — и механизм заработает, заработает...

— Снегов!

Он обернулся. Марьяна Чабанова, в изумрудной меховой курточке, с изумрудными, вечно распахнутыми глазами. Одноклассница.

— Привет.

— Чего тебя в школе нет? Я думала, ты болеешь...

— Болею, — согласился он и отхлебнул кофе.

— У тебя глаза красные, — сказала Марьяна не то с осуждением, не то с сочувствием. — Пьешь? Колешься?

— Пью, — он сделал еще глоток. — Колюсь.

Она засмеялась. Приятно было смотреть, как она смеется, — легко, без скрытого смысла. Искренне веселится.

— А если честно?

— Я работаю, — признался он неожиданно для себя.

— Где?

— В министерстве.

— Курьером?

— Министром!

— Вот умница, — она кокетливо поправила шапочку-наушники. — Слушай, я на первый урок все равно не пойду уже. Давай по пирожному? Угощаю!

Половина девятого. Вне Сети он всегда чувствовал время, не глядя на часы. Обычно к девяти он уже снова был дома — не выходя на поверхность, пересаживался с одного поезда на другой, возвращался в пустую квартиру и садился за компьютер. Такое по-

ложение вещей не могло существовать долго, но пока оно держалось, и Арсен намеревался выжать из него все возможное. С толком использовать любую минуту.

Марьяна смотрела, улыбаясь.

— Ну давай, — согласился он, поколебавшись. — Только каждый платит за себя.

У него были карманные деньги — не так мало, если считать, что он почти ни на что не тратил. Он взял себе шоколадное пирожное и опять — кофе. Марьяна заказала клубнику со сливками.

Мимо высокого окна шли прохожие. Там, на улице, начался дождь со снегом. Здесь, в кафе, было пусто в этот час и — по ценникам — дорого.

— Вот мой братец работает, — задумчиво сказала Марьяна. — Уже «Ниссан» себе купил. Правда, старый.

— Молодец, — Арсен кивнул.

Одна парадная мантия стоила больше, чем его отец зарабатывал за месяц. А к мантии полагаются парик, туфли, шпага; если Министр явится на Ассамблею без достойного прикида — его никто не станет слушать. Статус — это деньги, деньги — это статус, но реальная власть куда круче того и другого.

Если бы без денег можно было дотянуться до власти...

— Скажи честно — где ты работаешь? — спросила Марьяна, прищуриив изумрудные глазищи. Ее шубка была расстегнута; Арсен задержал взгляд на округлой груди под тонким свитером.

— Развожу породистых собак.

— Да?! А какой породы?

— Всяких.

— Что, в квартире? А родители?!

— Родители не знают, — он снисходительно улыбнулся. — Я в Сети развожу собак, нарисованных. Бывают дороже настоящих, если породистые. Если их пра-

вильно воспитывать, подбирать партнеров, лечить, дрессировать...

— В Сети?!

— Никогда не слышала? Люди заводят в Сети собак, держат в виртуальных домах... Водят в гости к соседям... Возят на выставки... Гордятся медалями... Некоторые устраивают собачьи бои, но я бойцовых не выращиваю. У меня декоративные и охотничьи, — Арсен поймал себя на воодушевлении. Он никому не рассказывал — вот так, за столиком, в реале, — о своей работе.

Марьяна недоверчиво хмыкнула.

— Ты что, ни в какие игры не играешь? — спросил он недоверчиво.

— Я блогер, — сказала она с достоинством. — У меня три сотни френдов.

— Знаю! У меня мама тоже блогер. — Арсен с удовольствием нарушил красоту и целостность шоколадного пирожного и увидел отпечаток своих зубов в гуще коричневого крема.

Его мама никогда не смотрела сериалы по телевизору, и в детстве он потихоньку этим гордился. Зато его мама жила внутри сериала, он стал это понимать только в последние полгода-год. Она изо дня в день пересказывала отцу за утренним кофе или в воскресенье, за разогретым в микроволновке завтраком, — пересказывала чужие разговоры, комментировала события и реплики, и на ее одухотворенном молодом лице ясно горели глаза. Она следила за жизнью не менее сотни людей, некоторые из них были ее близкими друзьями, некоторых она ненавидела по-настоящему: «После этого его поста, в субботу... Господи, ну вот же дрянь, совершенная дрянь, подлец, и гордится этим! Я его забанила, не понимаю, как они могут ходить к нему и комментировать, это все равно что купаться в навозной куче...»

Марьяна подхватывала ложечкой клубнику из вазы, слизывала белый молочный слой и любовалась ягодкой, держа ее за зеленый венчик.

— Ты чего ее разглядываешь?

— Я представляю, будто лето, — объяснила Марьяна. — Очень люблю июнь. В июне вот такая клубника, — она повернула ягодку, будто елочную игрушку. Потом отщипнула зеленый венчик и бросила клубничину в рот.

— А на фига тебе блог, Марьяна? — спросил Арсен. — Вести дневник напоказ — это как-то...

— Ерунда! — Марьяна слегка обиделась. — Это обывательское суждение человека, далекого от вопроса. Блоги бывают разные, для разных целей. Кто-то в самом деле ведет дневник напоказ. Полно таких дураков. Им внимания хочется. Или скандала. А я на журфак собираюсь, для меня блог — испытательная площадка, чтобы ты знал. Я пробую некоторые концепты.

— Получается?

— А то! Каждый день прибывают френды, и это без специальной раскрутки... Знаешь, что я заметила? Пишешь обыкновенный, средний, незаметный пост — комментариев мало, а френды прибывают. Напишешь что-то острое, скандальное — комментариев много, а френды отваливаться начинают. То ли обижаются, то ли завидуют...

Арсен заметил в ее глазах особые искорки — так выглядит человек, которому интересна тема разговора. Вот и мама, когда говорит о своем журнале, будто светится изнутри.

— Зайди как-нибудь, ладно? — Марьяна выловила из вазочки последнюю клубничину. — У меня во френдах наши из класса: Лада, Света, потом вот Игнат из параллельного...

— Заманчиво. — Он вытер губы, оставив на белой салфетке шоколадные отметины. — Ты на второй урок идешь?

— Иду. — Она казалась разочарованной, что разговор так быстро закончился. — А ты?

— У меня дела. — Он поднялся. — Извини.

* * *

Никто не должен был знать, что Министр заработал стартовый капитал разведением щенков. Арсен всегда тщательно разделял две свои ипостаси. И, разумеется, никогда и нигде не оставлял реальных данных. Его знали как Доктора Ветти, пятидесятилетнего врача из Самары. Клиенты почему-то доверяли врачу, хотя для воспитания виртуальных псов не требовалось медицинского образования.

«Родословная — пятьдесят три поколения. В роду сотни чемпионских титулов, есть одна Мисс Мира по собачьей версии — прапрабабка. Он умнее обычной собаки. Непременное условие — вы должны заниматься с ним каждый день. Если у вас работа или еще что-то отвлекает — лучше не берите этого пса. Возьмите что-то попроще. Этот затоскует, если вы не будете с ним разговаривать хоть один день... Потом у него наступит депрессия, и он погибнет».

«Он будет узнавать меня? Или я могу попросить, например, жену войти под моим ником и погладить его?»

Арсен улыбнулся в монитор. Пальцы его бегали так же быстро, и текст в окошке появлялся в темпе обычной человеческой речи:

«Вы знаете, в этом есть что-то мистическое. Если ваша жена или кто-то из родственников зайдет под вашим ником — пес обрадуется. Но если вы будете с ним заниматься, если он станет по-настоящему вашей собакой — он станет узнавать вас... не по нику. Не